

Ника Светлова

Мистические рассказы



Ника Светлова

Мистические рассказы

<https://litres.ru/74276113>

SelfPub; 2026

Аннотация

Если вы сели в последний вагон, возможно, вы уже не в своём поезде.

Если вы встретили в лесу того, у кого нет лица, не отдавайте ему своё. Он может и не вернуть.

Если она приходит в семь часов, обернитесь. Возможно, вы ждали не призрака, а себя.

Четыре мистических новеллы о том, что самое страшное в жизни — не встреча со смертью, а встреча с собственной пустотой. И о том, что даже из этой встречи есть выход. Просто нужно быть готовым заплатить.

Не ценой. А памятью.

Содержание

Последний вагон	4
Чай в семь	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Мистические рассказы

Последний вагон

Утром в понедельник Сергей обнаружил, что в его вагоне метро нет ни одного человека. Он сидел у двери, привалившись плечом к стеклянной перегородке, смотрел на пустые сиденья напротив. Плакат над ними обещал ипотеку от двух процентов. Правый угол отошёл от стены, мелко подрагивал в такт движению — единственное движение в неподвижном мире.

Сергей потёр глаза.

Вчера они с Леной опять ругались. В памяти пронеслись обрывки: высокий звенящий голос, слова про Мишку — третий раз за месяц приходит из школы с синяками, про Алису — температура 37,5 уже вторую неделю. Он сидел за кухонным столом, смотрел в чашку с остывшим чаем. На дне листа сложились в фигуру человека с пустым лицом.

Поезд качнуло на стрелке. За окном поплыли кабельные снопы, серый бетон отделки, мутные лампы в проволочных клетках.

Семь лет, каждый день, туда и обратно. «Киевская». Он поднял голову к табло. Не горело. Динамики молчали. Тишина звенела в ушах.

Он попытался восстановить утро. Узкая тёмная прихо-

жая, лампочка перегорела ещё в марте. Лена на кухне спиной к нему, плечи острые, напряжённые. Он хотел что-то сказать, но не сказал. Вышел. Спустился в метро. На эскалаторе стоял справа, держался за поручень. Платформа, толпа, протиснулся в последний вагон, как всегда. Дальше провал, будто вырезали кусок плёнки и склеили края.

Он вспомнил, как на «Киевской» смотрел в тёмный зев тоннеля. Каждое утро, каждый вечер. И каждый раз одна и та же мысль. Раньше он отгонял её. Сегодня... сегодня она показалась ему единственно правильным маршрутом.

На «Белорусской» двери открылись. Сергей выглянул в проём. Платформа пуста. Не так, как ночью. Пуста, как комната без мебели и без самого понятия жилья. Голый бетон, пыль. Ни окурка. Ни жвачки. Ни одной надписи. Двери закрылись. Поезд тронулся.

На «Новослободской» остановка. Двери открылись, вошёл человек. В длинном сером пальто, хотя на улице июнь. В серой фетровой шляпе, низко надвинутой на лоб. Сел напротив, развернул газету. Сергей прочитал заголовок: «ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК КПСС...» Бумага жёлтая, ветхая, края обтрёпаны. Пахло подвалом и временем.

— Простите, — сказал Сергей. — Вы не знаете, что происходит?

Человек опустил газету. Лица не было. Гладкая, чуть сероватая кожа, натянутая на структуру без формы черепа. Только тонкий разрез там, где должен быть рот. Когда заговорил,

края разошлись, внутри было темно.

— Всё в порядке. Просто сели не в тот поезд.

— Что значит «не в тот»?

— Вы ездили по маршруту. А теперь сели не в тот. Это случается. Примерно с каждым тысячным пассажиром.

— И куда он едет?

Человек сложил газету. Буквы шевелились, сползались в новые слова. «ДЕПО». Ниже помельче: «ПОСЛЕДНИЙ СОСТАВ»

— В депо. Формируют новые составы для дополнительных линий. Нужны машинисты.

— Я не машинист.

— Станете. У вас хорошие показатели. Семь лет без опозданий, ни одной жалобы. Ответственный.

Сергей хотел возразить. Человек уже встал, отделился от сиденья, пошёл к двери в торце. Дверь открылась сама. За ней темнота - ровный глубокий гул.

— Пойдите. Вы не ответили. Каких пассажиров?

Человек обернулся. Затылка не было, только гладкая кожа и второй рот-прорезь. Второе лицо говорило беззвучно. Сергей не слышал слов, но понимал, они возникали прямо в голове: «Таких, как ты».

Дверь закрылась. Поезд набрал скорость.

Сергей пошёл по вагонам. Дверь в торце поддалась с влажным чавкающим звуком, будто не открывали годами.

Второй вагон. Мужчина в застиранной спецовке. Смотрел

в окно. За стеклом только темнота. Ни огней, ни стен. Зрачки неестественно широкие, как после капель. Он не видел ничего, темнота уже проникла внутрь.

Третий вагон. Женщина в пальто читала книгу. Рядом девочка лет десяти болтала ногами, напевала что-то без ритма. Сергей замедлил шаг. Что-то знакомое: наклон головы, линия плеч. Почти окликнул, но осёкся. Страницы чистые. Женщина водила пальцем по пустой бумаге, перелистывала через равные промежутки, губы шевелились. Девочка посмотрела на Сергея. Глаза того же цвета, что у женщины. Такие же пустые.

Четвёртый. Пятый. Людей больше. Сидели и стояли, как в час пик, но никто не разговаривал. Сергей проходил сквозь них, плечо сквозь плечо, и чувствовал только холодок. Все прозрачные. Сбился со счёта. Тридцать. Пятьдесят. Может, больше.

В шестом у окна сидел старик в мятом пиджаке. Сквозь руки просвечивала обивка. Поднял голову, встретился с Сергеем глазами:

— Вы не подскажете, какая следующая?

Сергей открыл рот и не смог ответить. Он не знал. Старик кивнул, будто получил ответ, опустил глаза.

Сергей добрался до кабины. Дверь приоткрыта. Внутри кресло с продавленным сиденьем, пульт с рычагами, манометры, всё в пыли. Лобовое стекло выходило в темноту, мелькали огни, складывались в узоры, которых не могло

быть в нормальном метро.

Он сел. Рычаги под ладонями дрогнули, пошли вперёд сами. Поезд ускорился. Сколько он ехал... час, день, год? Время текло иначе. Иногда останавливался, двери открывались, в вагоны входили новые пассажиры. Сергей смотрел на них в зеркало заднего вида. Прозрачные, молчаливые. Он знал, что скоро начнёт забывать. Уже сейчас воспоминания истончались. Помнил, что была семья, но не мог вспомнить лиц. Помнил, что работал с окнами, но не мог представить профиль. Помнил, что был человеком, но не мог вспомнить, что это значит.

Человек с папкой появился, когда Сергей перестал считать остановки. Настоящий, из плоти. Вошёл на станции без названия, сел в первый вагон, начал сверяться со списком.

— Иванов? — спросил у прозрачной фигуры у окна. Та не ответила. Мужчина поставил галочку. — Годен. Петрова? Годна. Смирнов?

Тот, кого называли Смирновым, ещё почти живой. Сидел с телефоном, пытался набрать «02». Пальцы проходили сквозь экран.

— Я здесь! — закричал Смирнов. — Я не хочу! У меня дочь! Три года!

Человек с папкой нагнулся к самому уху:

— У всех есть дочери. Ваша уже не помнит вашего голоса. Проверяли вчера.

Смирнов замолчал. Тело засерело, как старая фотогра-

фия. Через два перегона стал прозрачным, как остальные.

Сергей смотрел в зеркало. Человек с папкой перешёл в следующий вагон. Двигался медленно, методично, ставил галочки, отмечал степени растворения.

Через час дошёл до пятого. Там сидела Лена. Она ещё живая. Не прозрачная. Сидела у окна, смотрела в темноту.

— Сидорова? — спросил он, сверившись.

Лена повернула голову. Пустые глаза. Почти не помнила, кто она. Но имя ещё отзывалось. Сергей дёрнул рычаг. Поезд качнуло. Человек упал, папка вылетела, листы рассыпались. Сергей успел увидеть таблицу: ФИО, дата посадки, «степень растворения» — от 0 до 100%. Лена — 68%. Сам Сергей — 94%. Человек поднялся, молча собрал бумаги. Лена смотрела пустыми глазами. Он поставил галочку, пошёл дальше. В кабину вошёл через два перегона. Сел на пол рядом с креслом:

— Вы нарушаете расписание. Доложу.

— Кому?

— Главному машинисту. Он составляет маршруты.

— И где он?

Человек улыбнулся впервые. Зубов не было, только тёмная щель, уходящая внутрь, как тоннель.

— Вы его видели. В зеркале.

Сергей перевёл взгляд. В зеркале заднего вида он сам. Гладкое серое лицо. Щель рта. И больше ничего.

Человек с папкой встал, отряхнул пальто, вышел на следующей станции без названия. Перед тем как двери за-

крылись, обернулся, показал последнюю страницу списка. Крупным шрифтом: «СОСТАВ 7. МАШИНИСТ: СЕРГЕЙ СИДОРОВ. СТЕПЕНЬ РАСТВОРЕНИЯ — 100% (ПРИГОДЕН К УПРАВЛЕНИЮ). КАТЕГОРИЯ: НЕВОЗВРАЩАЕМЫЙ». Сергей посмотрел на руки. Сквозь них просвечивал пульт. Не полностью, но отчётливо. Тело держалось, только пока системе нужны были руки на рычагах.

Человек вышел. Поезд тронулся. Теперь Сергей знал, он — архив. Живой список тех, кто ошибся вагоном. Его фамилия стояла первой. Под пультом, в пыли, лежала кнопка. Красная. Надпись: «АННУЛИРОВАНИЕ СОСТАВА». Уничтожала поезд вместе с машинистом и пассажирами — аварийный сброс, чтобы состав не накапливал ошибки. Лена видела её, когда садилась на пол. Ничего не сказала. Но Сергей знал, когда он забудет даже её имя, пальцы сами нажмут. Он вёл поезд. Рычаги сами подсказывали, когда ускориться, когда притормозить. Руки больше не принадлежали ему.

Однажды поезд остановился в туннеле. Двери открылись. В кабину вошла женщина в кашемировом пальто, села на пол рядом с креслом, положила голову ему на колени.

— Я искала тебя, — сказала она. — На всех линиях.

Сергей молчал. Он знал, кто это. Имя ускользало.

— Я Лена, — сказала она. — Твоя жена.

Он посмотрел на неё. Живые глаза. Не прозрачные. В списке напротив её фамилии стояло 68%. Значит, ещё здесь. Ещё может говорить. Ещё помнит.

— Как ты здесь оказалась?

— Села в последний вагон. Думала вдруг ты просто уснул и проехал станцию. Ты всегда засыпал в метро.

— А дети?

— У мамы. Сказала, скоро вернусь. — Она подняла голову.

— Я не вернусь, да?

— Нет.

— И ты не вернёшься.

— Нет.

Кивнула. Не заплакала. Снова опустила голову.

— Я хотел тогда, утром... сказать тебе.

— Я знаю. Что всё будет хорошо.

— Нет. «Прости меня». За то, что не говорил. За то, что не слышал.

Она коснулась его щеки. Пальцы тёплые. Лицо, уже навчавшее разглаживаться, на секунду снова стало лицом.

— Я знаю, — сказала она. — Всегда знала.

Она ушла в пятый вагон. Когда Лена села у окна, она поняла, что он не стал счастливее. Стал спокойнее. Она превратилась из жены в часть расписания. И теперь сидела здесь не для него — для себя. На поверхности остались дети, которым она должна врать. Здесь, в темноте, она могла просто быть рядом. Проходили месяцы. Сергей перестал считать остановки. Узнавал пассажиров по уставшему, сдавшемуся взгляду. Процесс занимал три-пять перегонов: расте-

рянность, попытки позвонить — сеть не ловила, отрицание — пытались выйти, но двери не открывались, принятие — прозрачность, забвение — забывали имена. Сергей больше не пытался их спасти.

Иногда в зеркале заднего вида он видел Лену. Сидела у окна в пятом вагоне, смотрела в темноту. И тогда он вспоминал, зачем ведёт поезд.

Однажды на станции без названия вошла женщина. Усталое лицо, кашемировое пальто, похожее на Ленино, но новое. Огляделась, села напротив кабины, спросила в никуда: — Почему поезд не останавливается на моей станции?

Сергей вышел из кабины. Сел напротив. Развернул газету. Опустил. Лица уже не было.

— Всё в порядке. Просто сели не в тот поезд.

Женщина смотрела с ужасом.

— И куда он едет?

Сергей хотел ответить, из пятого вагона послышался голос. Тихий. Слышный так ясно, будто в голове:

— Серёжа. Остановись.

Он замер.

— Серёжа. Не надо. Вспомни.

Он встал. Закрыв газету. Посмотрел на женщину. Голос хриплый, выдвленный из горла:

— Вам нужно выйти. На следующей станции.

— Но здесь нет станций.

— Будет.

Вернулся в кабину. Потянул рычаги на себя против системы, против расписания. Где-то в глубине заскрежетало. Поезд дёрнулся, замедлил ход. За стеклом проступила старая платформа с осыпавшейся штукатуркой. Двери открылись.

— Выходите. Быстро.

Она выбежала. Двери начали закрываться. В последний момент обернулась:

— А вы?

Сергей посмотрел в зеркало. В пятом вагоне Лена сидела у окна, улыбалась.

— У меня свой маршрут. Это не ваш поезд. Найдите эскалатор. Дома кто-то ждёт.

Двери закрылись. Поезд тронулся. Женщина нашла выход, старую дверь с надписью «СЛУЖЕБНЫЙ ПРОХОД». За ней обычная станция, полная людей. Её никто не искал, она отсутствовала два часа. Но она запомнила всё. Через много лет дочь спросила, почему мама никогда не садится в последний вагон.

— Потому что некоторые поезда уходят не туда. И не все возвращаются.

А глубоко под землёй, на линии, которой нет на схеме, Сергей вёл свой поезд. Пассажиры прибывали. Он больше не мог их спасать. Он был только машинистом. Иногда, раз в несколько лет, он вспоминал себя. И тогда поезд сворачивал не туда и очередной пассажир выходил на свет. В конце концов Сергей перестал видеть Лену в зеркале. Он не знал,

когда это случилось. Может, стала прозрачной. Может, вышла на одной из станций, которых не было на схеме. Он не помнил. Вообще мало что помнил только расписание, рычаги, темноту за стеклом, гул колёс. Иногда казалось, в пятом вагоне кто-то сидит. Он не оборачивался. Под пультом лежала красная кнопка. Он не помнил, зачем она. Но пальцы иногда тянулись к ней. И тогда он одёргивал руку, потому что чувствовал, там, в пятом вагоне, ещё кто-то есть. Или только казалось.

Он вёл поезд. И поезд всё ехал.

Чай в семь

Солнце ползло к горизонту с черепашьей скоростью, застревая в рыжих облаках, будто не желая покидать этот день.

Глеб стоял у ворот и смотрел на циферблат наручных часов. Без пяти семь. Стекло треснуло ещё в прошлом году, но стрелки ходили исправно, он проверял.

Она всегда приходила ровно в семь. Хотя её никто не приглашал. Не приглашал вслух, по крайней мере. Он просто ждал. Десять лет. Каждый вечер одна и та же тишина перед калиткой, одни и те же шаги за спиной тихие, почти невесомые, будто опавшие листья касаются асфальта.

Он не оборачивался. Боялся, что если обернётся, всё исчезнет. А может, боялся, что не исчезнет, этого он и сам до конца не понимал.

Дом стоял на отшибе, у старой липовой аллеи, которую ещё при царе сажали, так говорили соседи, пока соседи ещё были. Теперь участки вокруг пустовали, заборы покосились, и только его двор оставался ухоженным. Глеб сам красил ставни каждую весну, сам стриг газон, сам чистил печные трубы. Порядок — единственное, что держало его на поверхности все эти годы. Порядок и семь часов вечера.

В семь ноль-ноль скрипнула калитка. Ровно, без опозданий. Запах сирени поплыл по двору густой, сладкий, неуместный в середине октября. Именно так пахли её воло-

сы в день аварии, когда она собиралась на работу и торопливо сушила кудри феном, разбрызгивая по ванной капли воды. Он запомнил этот запах намертво, он врезался в ноздри и остался там навсегда. Странное дело запахи. Лица забываются, голоса стираются, а запах держится, как гвоздь в стене.

Глеб выдохнул и, не оборачиваясь, произнёс:

— Здравствуйте, проходите, пожалуйста, в крематорий.

Фраза звучала дико для любого постороннего человека, но посторонних здесь не было. Он придумал её в первый вечер, когда, обезумевший от горя, разговаривал с пустотой, а пустота вдруг ответила скрипом половиц. С тех пор так и повелось. Привычка — страшная сила. Даже безумие становится рутиной, если заниматься им каждый день в одно и то же время.

Крематорием он называл пристройку во дворе, бывшую столярную мастерскую, которую переоборудовал под небольшую печь для обжига керамики. Но печь вышла слишком мощной, слишком жаркой, и кто-то из бывших приятелей, кажется, Лёшка-электрик, ещё при ней пошутил про крематорий. Шутка прилипла. Глеб тогда смеялся, она морщилась, не любила чёрный юмор. Когда её не стало, Глеб перестал заниматься керамикой, но печь сохранил. Зачем — он бы и сам не объяснил. Наверное, чтобы было куда ходить по вечерам.

Он вошёл в пристройку первым, не глядя назад. Внутри пахло сухой глиной и старым металлом.

Третья печь была самая маленькая, с чугунной дверцей и трещиной на боку, стояла в углу. Трещина пошла ещё в первую зиму после её смерти, когда Глеб забыл слить воду из труб, и мастерскую разморозило. Он потом замазал, но трещина всё равно проступала, сколько ни крась.

Рядом с печью Глеб поставил простой деревянный стул. Единственный стул во всём помещении. Он сел на перевернутый ящик напротив и начал говорить.

Он рассказывал ей всё, что накопилось за день. Иногда это были новости из газет, иногда воспоминания, иногда просто обрывки мыслей, которые некому больше высказать. Он говорил о погоде, о ценах на керосин, о том, что старая яблоня в дальнем углу сада неожиданно дала плоды в этом году, мелкие, кислые, но всё-таки живые.

Он рассказывал, как ездил в город оформлять бумаги на участок и как обнаружил в архивах то, что перевернуло всё его понимание прошлого.

Это случилось месяц назад. Его вызвали в земельный комитет, требовалось уточнить границы владения в связи с планами городской администрации проложить новую дорогу через заброшенные кварталы. Глеб приехал нехотя, без настроения, даже не побрился толком, деваться было некуда. В пыльном подвале, заставленном стеллажами с папками, ему выдали дело двадцатилетней давности. Пахло старой бумагой и мышами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.